УДК 903.5 (571.53)

И. М. Бердников

Иркутский государственный университет
ул. К. Маркса, 1, Иркутск, 664003, Россия
E-mail: yan-maiski@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА СПАССКОГО НЕКРОПОЛЯ ИРКУТСКОГО ОСТРОГА *

Представлены результаты аварийных археологических раскопок некрополя XVIII в. Спасской церкви Иркутского острога. Общая площадь раскопов составила 330 м^2. Обнаружено 379 погребений в деревянных колодах и гробах-ящиках и остатки разнообразных конструкций. Рассмотрены общие вопросы и особенности погребального обряда, планиграфическая и стратиграфическая ситуации некрополя, ориентировки захоронений, данные по сопроводительному инвентарю. Проводится сравнение с материалами археологических исследований некрополей XVII–XIX вв. европейской части России, Урала, Сибири. Обсуждаются вопросы интерпретации некоторых деталей похоронного обряда: традиции помещать сосуды в могилы, наличия нательных крестов у покойных и др.

Ключевые слова: Иркутск, острог, XVIII в., некрополь, погребальный обряд, ярусные захоронения, нательные кресты.

Археологи, внимание которых в массе своей было приковано к изучению древних памятников, недостаточно уделяли внимания исследованиям, связанным с освоением обширной сибирской территории русскими первопоселенцами. Однако сегодня можно утверждать, что за последние три десятилетия интерес к данной тематике среди археологов значительно вырос. Проведены археологические исследования десятков городских и сельских поселений, зауральских и сибирских острогов, некрополей [Артемьев, 2005а; Молодин, 2007. С. 15–16; Черная, 2007], благодаря чему сложилась благоприятная ситуация для развития в археологии направления, связанного с историей русской колонизацией Сибири. Крупномасштабные спасательные работы в зонах затопления ГЭС и в районах современных застроек в исторических центрах сибирских городов, в совокупности с письменными источниками, дают возможность получения уникальных данных, наиболее полно отражающих исторические процессы XVII–XVIII вв. В связи с этим большой научный интерес представляют исследования городских некрополей, так как изучение погребальных комплексов дает обширную информацию для создания палеодемографических реконструкций, определения времени существования поселений и решения ряда проблем исторического и этноархеологического плана. К сожалению, не все материалы раскопок сибирских некрополей этого периода опубликованы, вследствие чего представляются особо актуальными публикация и введение в научный оборот сведений последних археологических работ на территории Иркутского острога, а именно данных по погребальному обряду некрополя Храма Спаса Нерукотворного образа (далее Спасская церковь).

Иркутский острог и расположенная на его территории Спасская церковь находятся на правом берегу р. Ангара недалеко от места впадения ее правого притока р. Ушаковки и напротив впадения в Ангару ее левого притока р. Иркут. Иркутский острог, согласно письменным источникам, основан в 1661 г. [Акулич и др., 2008]. В настоящее время границы территории Иркутского острога маркируются только с южной стороны зданием Спасской церкви, которая является вторым каменным зданием Иркутска. На территории острога существовала деревянная одноименная церковь, но сносить ее не стали, а новую церковь встроили в стену острога: разобрали южную стену и при

* Автор выражает благодарность Е. А. Федоренко за помощь в переводе надписи на китайской чаше и С. В. Алкину за консультацию по истории Китая.

© И. М. Бердников, 2009

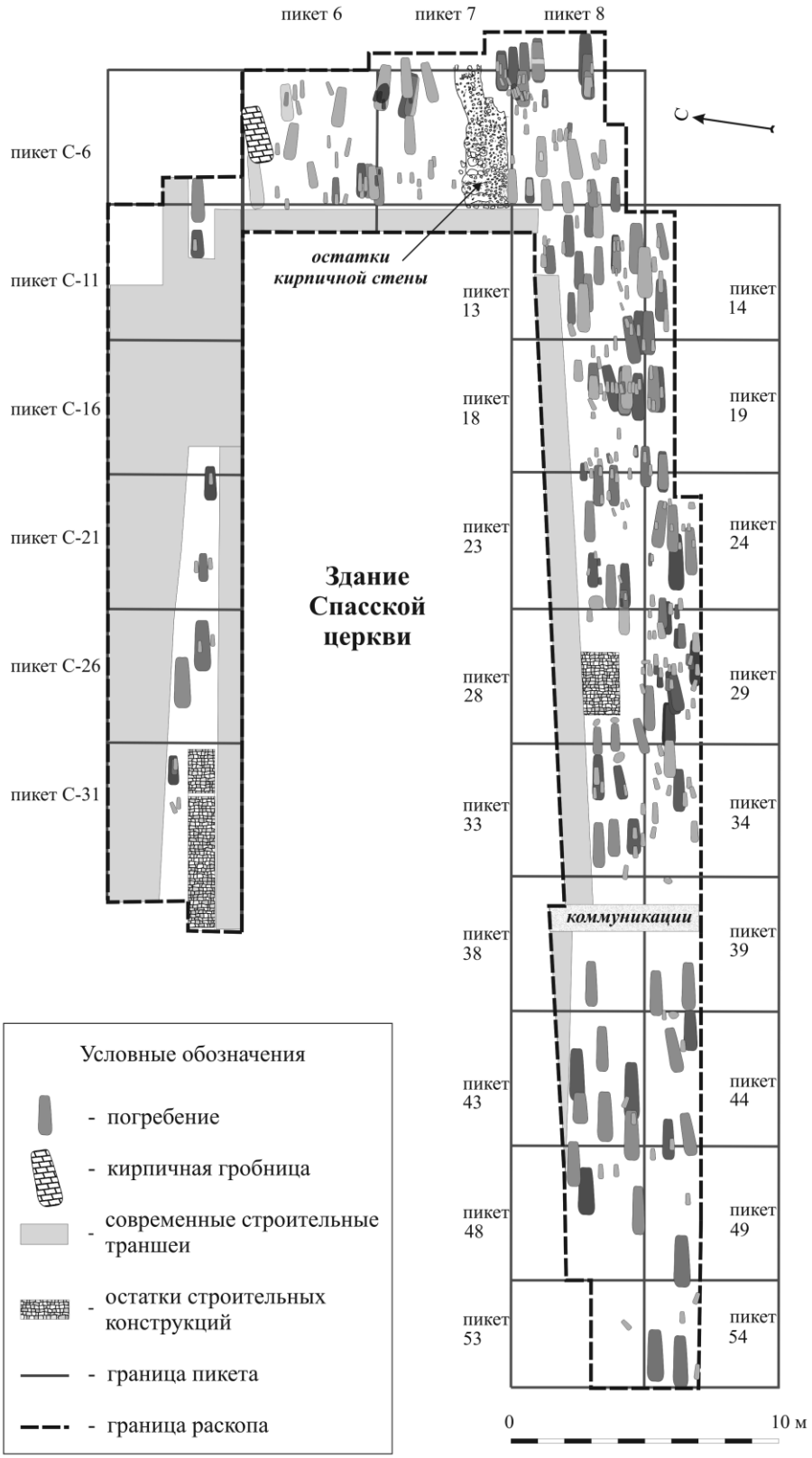
большом стечении народа в 1706 г. заложили каменную Спасскую церковь. Основное здание храма было построено в 1706–1710 гг. В 1758–1762 гг. у западной части храма возведено здание колокольни [Жуковская, Торшина, 2006].

Первые археологические работы по изучению территории Иркутского острога предпринял А. М. Станиловский в 1902 г. [Станиловский, 1912], который отметил погребения в колодах вдоль ограды Спасской церкви. У ограды кафедрального собора им найдены остатки сруба и полусгнившие остатки лиственничных столбов. В 1928 г. группой членов бывшего Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества под руководством профессора Иркутского государственного университета С. Н. Лаптева проведены раскопки на месте бывшего острога [Манассеин, 1936; Лаптев, 2001]. На глубине 25–30 см обнаружен фундамент провинциальной канцелярии, а также основания некоторых других построек, раскопана и часть кладбища на восточной стороне острога. В 1967 г. сотрудниками Иркутского краеведческого музея и Иркутского государственного университета (В. В. Свинин, А. М. Георгиевский, Н. А. Савельев и др.) проводились раскопки возле Спасской церкви в связи с началом реставрационных работ. По заданию автора проекта реставрации Г. Г. Оранской по периметру церкви вдоль ее фасадов были выкопаны траншеи шириной 1 м и глубиной 80–90 см, обнажен исходный цоколь здания. В траншеях вскрыты захоронения XVIII в. В 1986 г. при прокладке коммуникаций у здания Спасской церкви сотрудником Иркутского областного краеведческого музея В. И. Смотровой (Бердниковой) были собраны остатки 10 захоронений [Добрынина, 2008].

В октябре 2007 г. силами сотрудников кафедры археологии, этнологии, истории древнего мира Иркутского государственного университета в рамках проекта по укреплению фундамента Спасской церкви проведено обследование территории у стен храма [Бердников и др., 2008]. Общая площадь раскопов составила 40 м^2. У восточного фасада заложена траншея размерами 2 × 10 м, где были обнаружены захоронения в колодах и гробах-ящиках. Часть погребений была извлечена, остальные законсервированы до проведения спасательных работ, вопрос о необходимости которых сразу же был поставлен перед органами охраны культурного наследия Иркутской области. Во второй траншее размерами 2 × 6 м, заложенной у северного фасада храма, на глубине 0,5–0,6 м зафиксированы остатки деревянной тыновой стены. Максимальная длина сохранившихся бревен – 0,8 м. Так как Иркутский острог неоднократно перестраивался и расширялся [Акулич и др., 2008], вполне вероятно, что это уцелевшая часть стены Иркутского острога ранней постройки. В двух шурфах у западного фасада были обнажены бревенчатые конструкции. Согласно дендрохронологическому анализу, который провел заведующий лабораторией биоиндикации растений СИФИБР СО РАН доктор биологических наук В. И. Воронин, их можно датировать серединой XVIII в. Конструкции являются частью фундамента колокольни, пристроенной к основному зданию храма в 1758–1762 гг.

В декабре 2007 г. было принято решение о немедленных аварийных работах у Спасской церкви. Раскопки проводились в период с декабря 2007 по март 2008 г. [Бердников, 2009; Бердникова и др., 2008]. Подобного опыта в истории археологических исследований Иркутска до этого момента не было. Учитывая всю сложность проведения археологических работ в зимний период, раскопки велись в закрытых павильонах, сплошным вскрытием в определенной последовательности: по пикетам, на ширину 5 м от стены храма. Общая площадь раскопок составила 330 м^2. Сплошное вскрытие произведено у восточного и южного фасадов храма, у северного и западного фасада – частично. В общей сложности, учитывая результаты предварительных работ осени 2007 г., зафиксировано 379 погребений и остатки различных строительных конструкций (см. рис. ниже). Большинство погребенных – дети (до 12 лет), что составляет 69 % от общего количества захоронений. Взрослых (сюда относятся и подростки до 18 лет) – 31 %.

Антропологические исследования осуществлены сотрудниками Института этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН кандидатами биологических наук Н. А Суворовой и Н. В. Харламовой [Суворова, Харламова, 2008]. Реставрацию и консервацию археологического материала провел старший научный сотрудник Института угленефтеоргсинтеза ИГУ кандидат химических наук В. А. Хуторянский. Стратигра-



Сводный план расположения погребений у Спасской церкви Иркутского острога

фическим анализом отложений и проведением палеоэкологических реконструкций занималась доцент кафедры почвоведения ИГУ кандидат биологических наук Г. А. Воробьева.

Некрополь можно условно разделить на две зоны. Границей являются остатки фундамента разрушенной кирпичной стены у восточного фасада храма. Большинство погребений располагалось за пределами острога: это часть территории у восточного фасада и территория у южного фасада. Погребения внутри острога – у северного и частично восточного фасада – немногочисленны. Все погребения находились в грунтовых ямах. Ориентировка соответствует канонической православной традиции: по линии восток – запад, головой на запад. Отмечаются случаи отклонений в ориентировке к северу или югу. Вероятно, это связано с сезонными изменениями движения солнца по небосклону [Панова, 2004. С. 54]. Отклонение к северу может указывать на зимнее время захоронения, к югу – на летнее время. Это довольно распространенное явление для некрополей Руси со средневековья [Там же]. В одном случае зафиксировано захоронение ребенка с нательным крестом, ориентированное головой на север (погребение № 24 из 29-го пикета). Кроме указанного факта, данное погребение ничем не выделяется из общего ряда, и в связи с этим довольно сложно объяснить такое отступление от канонов.

Примечательным является отсутствие какого-либо порядка в расположении могил. В отличие от некрополя Илимского острога, по планиграфии которого можно судить о некоторой упорядоченности в расположении погребений (рядами с севера на юг) на большей части исследованной территории [Молодин, 2007. С. 28–29], здесь сложно выявить стройную систему. Выделяются лишь участки с плотным скоплением погребений (возможно, родственных) и участки, где явно прослеживается общая яма для нескольких погребений, расположенных ярусами (до 4-х). Ярусные захоронения часто встречаются при исследованиях некрополей острогов и поселений Нового времени [Бородовский, Воробьев, 2005; Самигулов, 2002; Татаурова, 2005; Тарасов 2000; 2002]. По этнографическим данным выявлено, что в некоторых регионах Сибири вплоть до XX в. существовала традиция в зимнее время года производить подхоронения в существующие могилы [Никифорова, 2002. С. 105]. Возможно, здесь отражена подобная практика.

Глубина захоронений варьируется в пределах 0,4–1,7 м от современной поверхности. Установить реальную глубину не представляется возможным в силу того, что при реставрации храма в 70–80-х гг. прошлого столетия часть грунта была убрана, чтобы обнажить цоколь. Можно предположить, что уровень современной дневной поверхности у стен храма сегодня максимально близок к уровню времени функционирования кладбища.

Внутримогильные конструкции представлены долблеными колодами и дощатыми гробами-ящиками из хвойных пород дерева (сосна, лиственница) различной сохранности. Дети захоронены преимущественно в колодах, что составляет 94 % от общего количества всех детских погребений, оставшиеся 6 % – в гробах. Взрослые захоронены только в гробах и одно погребение – в гробу внутри кирпичной гробницы.

Колоды изготовлены из цельного куска стволовой части дерева. Зафиксированы случаи, когда крышка колоды крепилась к основной части при помощи кованых железных гвоздей. В соответствии с типологией погребальных сооружений Т. Д. Пановой [Панова, 2004. С. 65–146] для погребений Спасского некрополя характерны следующие формы колод: прямоугольные, трапециевидные и ладьевидные. Прямоугольные и трапециевидные виды колод – самые ранние; такие колоды обнаружены при археологических исследованиях памятников Древней Руси. Первые встречаются уже в X–XI вв., вторые – начиная с XII в. [Панова, 2004. С. 70–71]. Ладьевидные формы появляются в православном погребальном обряде позднее – в XVI в. [Там же. С. 72]. Использование долбленых колод практиковалось в Сибири вплоть до конца XIX – середины XX в. Причем в сельской местности колоды являлись, по всей видимости, преимущественным типом внутримогильных конструкций [Татаурова, 2005], в отличие от городских поселений, где колоды использовались, в основном, при захоронении детей. Возможно, это объясняется практическими соображениями: отсутствием надлежащего оборудования, дороговизной и трудоемкостью процесса изготовления досок в сель-

ской местности, где было проще выдолбить гроб из ствола дерева.

Гробы-ящики изготовлены из досок, скрепленных в большинстве случаев коваными железными гвоздями, реже – деревянными шипами. Формы – прямоугольные и трапециевидные. В одном случае зафиксирована кирпичная гробница, внутри которой находилось погребение в трапециевидном гробу. В изголовье многих гробов встречаются поперечные доски, служившие основанием под голову покойного. Прямоугольные гробы-ящики, скрепленные гвоздями или с помощью пазов в досках, характерны для некрополей средневековой Руси начиная с XI в. [Панова, 2004. С. 73–76] и продолжают использоваться в настоящее время. Трапециевидные – редко встречаются при археологических исследованиях средневековых русских городов и поселений [Там же. С. 76]. Широкое распространение на территории европейской части России, Урала и Сибири такая форма получает начиная с XVII–XVIII вв., что подтверждается данными археологических исследований [Бородовский, Воробьев, 2005; Векслер, Беркович, 1999; Молодин, 2007; Погорелов, 2005; Тарасов, 2002; 2003; Татаурова, 2005].

Намогильных конструкций зафиксировано немного. В одном случае это фрагменты четырехконечного деревянного намогильного креста. В трех других – остатки кирпичных оснований под надгробия. Несомненно, что намогильных конструкций было значительно больше, так как в ходе реставрационных работ Спасской церкви в 60–70-х гг. прошлого века группой археологов под руководством В. В. Свинина обнаружено несколько надгробных плит с надписями, указывающими на время захоронений: 30–60-е гг. XVIII в. Две плиты – 1763 и 1764 гг. – были переданы участниками раскопок в Иркутский областной краеведческий музей [Добрынина, 2008]. При планировке территории вокруг храма в ходе реставрационных работ 70–80-х гг. были уничтожены верхние слои некрополя с уцелевшими надгробиями.

Все погребенные находились в вытянутом положении на спине. Зафиксировано различное положение рук умерших: на поясе или крестообразно на груди; одна рука (правая или левая) вытянута вдоль тела, другая – покоится на груди или поясе; обе руки вытянуты вдоль тела. Какой-либо закономерности здесь проследить не удалось.

Два погребения выделяются из общего ряда. В первом случае мы имеем дело с групповым захоронением в одном гробу. Здесь присутствуют останки минимум трех человек. Анатомический порядок костяков не прослеживается, следов насильственной смерти или нанесения ран не обнаружено. Единственное объяснение данному случаю – вторичное захоронение останков из некогда разрушенных могил. Во втором случае – это практически пустой гроб-ящик без дна, рассчитанный, судя по размерам, на взрослого человека. В гробу обнаружены лишь две фаланги пальцев ног. Следов разрушения или разграбления могилы не зафиксировано, крышка гроба находилась в хорошем состоянии, без следов деформации, так что вполне возможно, что это кенотаф.

В большинстве погребений (62 % от общего количества) обнаружены нательные кресты, всего 234 экземпляра. Многие из них аналогичны крестам-тельникам из раскопок сибирских острогов – Алазейского и Стадухинского [Алексеев, 1996], Албазинского [Артемьев, 1999; 2005а; 2005б], Илимского [Молодин, 2007], Красноярского [Тарасов, 2000; 2002], Саянского [Скобелев, 2005], а также крестам из раскопок некрополей Ново-Тихвинского монастыря в Екатеринбурге [Погорелов, 2005; Погорелов, Попов, 2005], Моисеевского монастыря в Москве [Векслер, Беркович, 1999], Тискинского могильника [Боброва, 2007] и др. Есть аналогии и предметам из музейных коллекций [Гнутова, Зотова, 2000; Островский, Федоров, 2007].

Материалами для изготовления послужили медные сплавы, олово, серебро и сплавы с высоким содержанием золота. Из общей массы можно выделить группу крестов, покрытых монохромной и полихромной эмалью (36 экз.), а также кресты с изображениями великомученика Никиты, побивающего бесов (2 экз.), и распятого Иисуса Христа (9 экз.). Встречаются уникальные экземпляры, одним из которых является деревянный четырехконечный крест, найденный в погребении № 7 из 19-го пикета. Ярким примером широкой географии использования деревянных нательных крестов в погребальном обряде служат находки из раскопок некрополя Моисеевского мона-

стыря в Москве [Векслер, Беркович, 1999] и некрополя Ново-Тихвинского женского монастыря в Екатеринбурге [Погорелов, 2005]. Особый интерес вызывает литой нательный крест, обнаруженный в погребении № 9 из 6-го пикета (кирпичная гробница). Это четырехконечный серебряный с позолотой крест, заключенный в рамку в виде стилизованного сердца. В центре креста находится рельефное распятие, выполненное в соответствии с православными канонами. Можно предположить, что крест был выполнен по индивидуальному заказу. В силу того, что аналогии из раскопок того времени пока не известны, датировать время его изготовления сложно. Традиция захоронения с нательным крестом прослеживается на Руси со средневековья [Панова, 2004. С. 157]. Однако вплоть до второй половины XVI в. это явление носит исключительный характер и получает широкое распространение гораздо позже [Там же. С. 160]. В XVIII в. деревянные кресты, по всей видимости, использовались в погребальном обряде наряду с металлическими, однако в силу недолговечности самого материала не все экземпляры сохраняются. Поэтому вполне вероятно, что численность погребений с нательными крестами у Спасской церкви была изначально больше, чем зафиксировано нами при раскопках.

Кроме нательных крестов в погребениях встречены украшения (серьги, кольца), кожаная обувь (иногда с пряжками), пуговицы, фрагменты одежды и погребальных одеяний, в том числе кружевные элементы одежды и головных уборов, сплетенные из металлизированных серебряных или золотых нитей. В погребении № 18 из 13-го пикета отмечена интересная деталь погребального одеяния – лента из плотной ткани с кистями на концах была надета на шею покойного. Одна из поверхностей ленты украшена оттисками в виде восьмиконечных крестов, выполненных серебристой краской (вероятно, при помощи трафарета). Все указывает на то, что это орарь – элемент одеяния диаконов, обязательный при богослужении. В трех погребениях обнаружены медные монеты (денга, полушка), которые датируются 30–40-ми гг. XVIII в. [Рылов, Соболин, 1994]. В двух погребениях находилось по одной монете, в третьем – 17 монет в плохо сохранившемся кожаном мешочке у пояса покойного.

Важно отметить еще два захоронения у южного фасада: № 17 из 23-го пикета и № 22 из 29-го пикета. В обоих случаях у правого плеча покойного обнаружены чаши. В первом погребении находилась сильно фрагментированная чаша синего стекла. Во втором – чаша китайского фарфора с надглазурной росписью. Кобальтовая марка под глазурью на белом дне почерком *кайшу* указывает на время изготовления: период Юнчжэн (1723–1735 гг.). Находка изделия из китайского фарфора неудивительна, так как в то время пути многих китайских миссий из России пролегали через Иркутск, а торговые связи, несмотря на проблемы во взаимоотношениях двух государств, были довольно прочны. По информации из письменных источников, первый караван с товарами из Китая проследовал через Иркутск в 1698 г. [Акулич и др., 2008. С. 20].

Традиция класть сосуды в могилы прослеживается на Руси со средневековья. Фрагменты и целые сосуды начиная с XI–XII вв. встречены в ряде захоронений Юрьева, Киева, Старой Рязани, Новгорода, Пскова, Чернигова, Галича [Панова, 2004. С. 153–157]. В ранних русских погребениях это преимущественно керамические сосуды, находки стеклянных сосудов единичны. Ближе к XVII в. география подобных захоронений значительно расширяется, а материал для изготовления становится разнообразнее: помимо керамики и стекла, используется кость и дерево [Там же]. Сосуды (керамические, металлические, деревянные и стеклянные) обнаружены также в 50 захоронениях Моисеевского монастыря, где в большинстве случаев они находились в изголовье погребений с правой стороны [Векслер, Беркович, 1999. С. 192]. В Екатеринбурге при раскопках некрополя Ново-Тихвинского женского монастыря, датируемого автором XVIII–XIX вв., в 48 могилах зафиксированы сосуды из стекла [Погорелов, 2005]. Подобные находки встречены и при исследовании Нагорного кладбища в Барнауле [Пугачев, Воробьев, 2002]. В двух последних случаях также отмечено расположение большинства сосудов справа в изголовье погребений.

Интерпретация данной детали погребального обряда осложнена отсутствием в письменных источниках достоверных указаний, по какому поводу данное действие совершалось. По мнению Т. Д. Пановой, в некоторых ранних погребениях это можно объяснить

как следы обряда «битья посуды» и остатков тризны [Панова, 2004. С. 154–155]. Интересный случай отмечен в Новосибирской области – в ряде керамических сосудов из захоронений сельских кладбищ XVIII–XIX вв. встречены угли, а на стенках некоторых сосудов в придонной части замечены следы легкого обожжения [Воробьев, Троицкая, 2000. С. 221]. Авторы, опираясь на сообщения местных жителей, полагают, что сосуды использовались для окуривания умерших непосредственно перед погребением. Затем сосуд ставился рядом с гробом в изголовье или ногах покойного [Там же]. Еще одно предположение выдвинуто Т. Д. Пановой на основании изучения церковных материалов, из которых следует, что уже в XV–XVI вв. сосуды использовались в ритуале отпевания покойного в церкви, при котором тело обрызгивали елеем, а остатки жидкости в сосуде помещали в гроб [Панова, 2004. С. 157]. Действительно, в некоторых случаях встречается жидкость в сосудах, на что указывают другие исследователи [Погорелов, 2005. С. 210; Пугачев, Воробьев, 2002. С. 123]. Авторы статьи по материалам исследования некрополя Моисеевского монастыря в Москве называют подобные сосуды «слезницами» или «елейницами» [Векслер, Беркович, 1999. С. 192]. По всей видимости, два сосуда из погребений Спасского некрополя также имели функцию ритуальных сосудов для елея, использующихся при отпевании покойного.

Подробнее следует остановиться на описании погребения у восточного фасада храма (№ 9 из 6-го пикета), выделяющегося из общего ряда. Это захоронение мужчины старческого возраста в гробу, обложенном кирпичом. Размеры крытой кирпичной гробницы трапециевидной формы, которая проявилась на глубине 0,4 м, следующие: длина – 2,1 м; ширина в изголовье – 0,9 м, в ногах – 0,6 м; высота – 0,3–0,4 м. Кирпичи уложены плашмя поперек продольной оси могилы и скреплены известковым раствором. Внутри находился трапециевидный гроб-ящик, доски которого скреплены железными гвоздями. Подобные гробницы обнаружены при раскопках некрополя Моисеевского монастыря в Москве [Векслер, Беркович, 1999. С. 199]. Костяк сохранился плохо, за исключением черепа и некоторых костей ног, однако сохранились фрагменты одежды и обуви. Невозможно определить вид одежды покойного, но можно отметить, что материал, из которого она сшита, довольно плотный (сукно?). Хорошо сохранились медные полусферической формы пуговицы с толстым слоем позолоты (всего 50 шт.), которые располагались на одежде в два ряда. Судя по сохранившимся фрагментам обуви, можно предположить, что это были сапоги с листовидными накладками, шитыми золотой нитью. К сожалению, при помощи археологических данных невозможно установить личность умершего или его принадлежность к какой-то определенной социальной группе, так как намогильная плита отсутствовала, а на пуговицах и одежде не было знаков отличия.

При определении хроностратиграфии православных некрополей нового времени актуальным остается вопрос, возможно ли применять методы, использующиеся при изучении древних могильников? Например, выявление разновременности захоронений на основании изучения стратиграфии, даже если имеются случаи, когда одно погребение перекрывает другое. Как показывают наши исследования, при раскопках поздних православных некрополей, особенно городских, не всегда прослеживается уровень закладки поздних могил, так как верхние отложения зачастую разрушены техногенными процессами. Даже при наличии четкой стратиграфии ярусных захоронений нельзя сказать, насколько разновременны эти погребения: совершены они в один год или с большим интервалом. В силу указанных проблем остается нерешенным вопрос о выявлении нижней хронологической границы Спасского некрополя. Однако большую его часть на территории, прилегающей к храму с южной и восточной стороны, можно отнести ко времени функционирования приходского кладбища, которое функционировало, согласно письменным источникам, с 1739 г.; до этого времени Спасская церковь являлась соборной [Мартос, 1827]. Официально проводить захоронения на Спасском приходском кладбище прекратили в 1762 г. после выхода указа о погребении жителей Спасского прихода у Крестовоздвиженской церкви, построенной в середине XVIII в. [1] Письменные свидетельства подтверждаются датами, полученными при

[1] ГАИО. Ф. 276. Оп. 2. Д. 1. Л. 105.

изучении нумизматического материала, китайской чаши и уцелевших надгробий (из раскопок 60–70-х гг. прошлого века), которые хорошо укладываются в период существования кладбища Спасского прихода. Следовательно, верхняя хронологическая граница некрополя определяется 60-ми гг. XVIII в.

Погребальный обряд, в целом, соответствует православной погребальной традиции. Характеризуется это ориентировкой захоронений, типами внутримогильных конструкций, положением погребенных, сопроводительным инвентарем. Отмеченные особенности обряда имеют широкие аналогии в упомянутых публикациях московских, уральских, сибирских исследователей. Но при этом материалы и информация, полученные в ходе исследований Спасского некрополя, по-своему уникальны. Следует отметить интереснейшую коллекцию нательных крестов хорошей сохранности и отдельные находки, такие как нательный крест в сердцевидной рамке, не имеющий аналогов, китайская чаша, использованная в православном погребальном ритуале.

Археологические исследования некрополя Спасской церкви Иркутского острога обладают несомненной ценностью и в совокупности с письменными источниками дают возможность открыть некоторые неизвестные до настоящего времени страницы истории Иркутска и Сибири, по-иному взглянуть на жизнь первых поколений сибирских поселенцев. В настоящее время проводится анализ ставрографического материала, его классификация, решаются проблемы палеодемографического характера, что является темой для отдельных работ, публикация которых – дело ближайшего будущего.

Список литературы

Алексеев А. Н. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. Новосибирск, 1996. 152 с.

Акулич О. А., Крючкова Т. А., Полунина Н. М. Во имя Спаса Нерукотворного Образа: Документальное повествование о жизни первого каменного храма города Иркутска. 1706–2006. Иркутск, 2008. 488 с.

Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток, 1999. 336 с.

Артемьев А. Р. Основные направления археологических исследований памятников истории освоения русскими Сибири и Дальнего Востока // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2005а. С. 7–28.

Артемьев А. Р. Археологические исследования русских памятников нового времени в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье // РА. 2005б. № 1. С. 155–166.

Бердников И. М. К определению хронологии Спасского некрополя (по материалам раскопок на территории археологического объекта «Иркутский острог») // Археология и этнография азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы). Кемерово, 2009. Ч. 2. С. 10–12.

Бердников И. М., Куклин А. Ю., Сизова М. С. Результаты предварительных раскопок в рамках работ по сохранению объекта культурного наследия «Иркутский острог» // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций. Барнаул, 2008. С. 203–204.

Бердникова Н. Е., Воробьева Г. А., Бердников И. М. Раскопки исторического центра Иркутска // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. М., 2008. Т. 2. С. 428–430.

Боброва А. И. Селькупы XVIII–XIX вв. (по материалам Тискинского могильника). Томск, 2007. 176 с.

Бородовский А. П., Воробьев А. А. Некрополь на территории Умревинского острога // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2005. С. 191–202.

Векслер А. Г., Беркович В. А. Материалы археологических исследований некрополя Моисеевского монастыря на Манежной площади в Москве // Культура средневековой Москвы: XVIII век. М., 1999. С. 181–225.

Воробьев А. А., Троицкая Т. Н. Сосуды в погребальном обряде русского населения Западной Сибири // Интеграция археологических и этнографических исследований. Владивосток; Омск, 2000. С. 219–221.

Гнутова С. В., Зотова Е. Я. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX века. М., 2000. 134 с.

Добрынина Е. А. К вопросу об археологических раскопках у Спасской церкви в Иркутске // Земля Иркутская. 2008. № 34. С. 64–69.

Жуковская Н. В., Торшина Н. Г. Памятник истории и культуры «Церковь Спас-

ская», ул. Сухэ-Батора, 2, лит. «А» в г. Иркутске // Научно-проектная документация. Иркутск, 2006. Т. 1.

Лаптев С. Н. К материалам по истории Иркутска // Земля Иркутская. 2001. № 16. С. 13–17.

Манассеин В. С. Иркутский острог (историко-археологический очерк) // Изв. Общества изучения Вост.-Сиб. края. Иркутск, 1936. Т. 1. С. 6–25.

Мартос А. Письма о Восточной Сибири. М., 1827. 291 с.

Молодин В. И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск, 2007. 248 с.

Никифорова И. А. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья по данным этнографии // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2002. С. 103–107.

Островский А. Б., Федоров Ю. А. Русский православный крест в собрании Российского этнографического музея. СПб., 2007. 348 с.

Панова Т. Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI вв. М., 2004. 184 с.

Погорелов С. Н. Охранные исследования захоронений Ново-Тихвинского женского монастыря г. Екатеринбурга // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2005. С. 204–211.

Погорелов С. Н., Попов В. А. Культовая атрибутика из погребений Ново-Тихвинского женского монастыря г. Екатеринбурга // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2005. С. 212–221.

Пугачев Д. А., Воробьев А. А. Стеклянные изделия из погребений Нагорного кладбища г. Барнаула // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2002. С. 122–127.

Рылов И. И., Соболин В. И. Монеты России и СССР. М., 1994. 320 с.

Самигулов Г. Х. Первое Челябинское кладбище (по итогам археологических раскопок) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2002. С. 133–137.

Скобелев С. Г. Особенности отношения к предметам религиозного культа у русских первопроходцев Южной Сибири // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2005. С. 235–260.

Станиловский А. М. О раскопках близ Спасской церкви в Иркутске // Тр. ВСОРГО. 1912. № 7. С. 178–181.

Суворова Н. А., Харламова Н. В. Антропологические особенности первопоселенцев Иркутска (по материалам раскопок на территории Иркутского острога) // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. М., 2008. Т. 2. С. 517–518.

Тарасов А. Ю. Некрополь Покровской церкви Красноярского острога // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. Т. 2. С. 150.

Тарасов А. Ю. Раскопки Покровского некрополя Красноярского острога // Археологические открытия 2001 года. М., 2002. С. 470–471.

Татаурова Л. В. Этнокультурные аспекты погребального обряда русских Среднего Прииртышья в XVII–XVIII вв. по данным археологии // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2005. С. 221–235.

Черная М. П. Русский город Сибири конца XVI–XVIII вв. в археолого-исторической ретроспективе: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. Томск, 2007. 42 с.

Материал поступил в редколлегию 01.06.2009

I. M. Berdnikov

SPECIFIC TRAITS OF MORTUARY RITE SPASSKII NECROPOLIS OF IRKUTSK FORTRESS

The article contains results of rescue archaeological excavations of necropolis of XVIII century near the Spasskaya church of Irkutsk fortress. During excavations, 379 burials in coffins and wooden blocks and remains of different constructions were discovered within area equal to 330 square meters. The problems of specific traits of mortuary rite including spatial distribution of graves, stratigraphy, grave orientation, and grave goods were under scrutiny in the article. All these specific traits are compared with materials of necropolis of XVII–XIX centuries in European part of Russia, Ural, and Siberia. Questions of interpretation of some details of mortuary rite, e.g. tradition of placing vessels in grave, presence of pectoral crosses on buried individuals, etc., are discussed here.

Keywords: Irkutsk, Fortress, XVIII century, Necropolis, Mortuary rite, Layered burials, Pectoral crosses.